

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

Алина Бодрова (Москва)

О КНИЖНЫХ ЗАМЫСЛАХ И ЧУТКОЙ ЦЕНЗУРЕ: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ СУДЬБА «СУМЕРЕК»

Е. А. БОРАТЫНСКОГО

(ПО МАТЕРИАЛАМ

МОСКОВСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА)

«Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского» едва ли можно назвать в числе литературных фактов, обойденных исследовательским вниманием. Однако фактические обстоятельства подготовки сборника и его выхода в свет, цензурная история «Сумерек» почти не становились предметом описания. Рассмотрение издательской судьбы сборника кажется тем более интересным и оправданным, что в этом случае историю книги можно проследить с большой степенью подробности. При этом уточнение фактов эдичионной истории «Сумерек» оказывается значимым для текстологической практики изданий сочинений Боратынского.

Важнейший источник для реконструкции первоначального замысла сборника — так называемый цензурный экземпляр (цензурная копия) «Сумерек» (РО ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 43), тетрадь, в синей обложке, в четвертую долю листа, сохранившаяся в семейном архиве Боратынских. Тетрадь заполнена в основном одним — писарским — почерком, некоторые тексты вписаны Н. Л. Боратынской; отдельные стихотворения содержат правку самого поэта и многочисленные пометы цензора (описание цензурной тетради — см. Изд. 1936. Т. I. С. 354—355; Боратынский 2003. С. 279—281). Рукопись содержит записи всех текстов, вошедших в печатный сборник, с некоторыми отличиями в последовательности стихотворений¹. Также в цензурной тетради представлены не вошедшие в «Сумерки» тексты: «Мою звезду я знаю, знаю...» (Л. 9; писарской рукой) и эпиграмма «Братайтесь, к взаимной обороне...» (Л. 19 об.; в двух редакциях вписана рукой Н. Л. Боратынской).

Особый интерес и текстологическую важность представляют пометы цензора — В. П. Флерова, стороннего цензора Московского цензурного комитета, на рассмотрение которому был изначально определен сборник. Большая часть цензорских помет сделана красными чернилами (наряду с карандашными отметками Флерова) — отдельные слова или целые строки подчеркнуты и заключены в квадратные скобки; стихотворения, которые цензор хотел запретить целиком, отчеркнуты на полях; напротив каждой пометы — повернутая горизонтально литера «Ф», очевидно, инициал цензора.

¹ Стихотворения «Всегда и в пурпуре и злате...» и «Благословен святое возвестивший...» (№№ VI и XXV соответственно — согласно оглавлению «Сумерек») были записаны в самом конце тетради, на последнем листе (Л. 36—36 об.); стихотворение «Мою звезду я знаю, знаю...», следовавшее пятым в рукописи, было впоследствии опущено.

Флеров оказался суров к «сочинению Евгения Боратынского», отметив к исключению целиком «антологические стихотворения» «Были бури, непогоды...» (Л. 18—18 об.) и «Еще как Патриарх не древен я; моей» (Л. 21) (а также, по всей видимости, «Ахилл» — Л. 20) и сделав запретительные пометы в ряде стихотворений, в числе которых «Последний Поэт» (Л. 5 об.), «Недоносок» (Л. 13 об.), «Мудрецу» («Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...» — Л. 15), «Бокал» (Л. 17—17 об.), «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» (Л. 22), «Рифма» (Л. 35). Боратынский, очевидно желая защитить собственные тексты, над некоторыми из них, в ответ на замечания цензора, также сделал пометы, указав (не всегда правильно) журналы и альманахи, в которых стихотворения, вызвавшие неудовольствие цензора, прежде были помещены — в том виде, в котором поэт хотел их напечатать в сборнике¹.

В цензурной тетради содержатся также исправления рукой самого Боратынского — в большинстве своем не связанные с указаниями цензора: Боратынский пробует иной вариант ст. 3—4 «Недоноска» («Подымусь до облаков, // И паду крылом слабей» — ср. в «Сумерках» и изначально в цензурной тетради: «И едва до облаков // Возлетев, паду слабей»), изменяет отдельные слова в «Были бури, непогоды» (в ст. 5 («Бойкой» вместо «Вольной») и ст. 9 («Груз двойной» вместо «Крупный груз»), между тем как цензор отметил стихотворение к исключению целиком), «Здрастуй отрок сладкогласной...» (в ст. 8: «мальчик» вместо «отрок»), поправляет ошибки переписчика в «Осени» (в ст. 17 («завоет» вместо «завоят»), в ст. 18 («ея» вместо «его»), в ст. 136 («из усыпления» вместо «из умиления»). С поправками рукой Н. Л. Боратынской «Скульптор» обретает свой окончательный вид, определяется итоговое место стихотворений «Всегда и в пурпуре и злате...» и «Благословен святое возвестивший...», появляется полный текст «Ахилла», записываются две редакции эпиграммы «Братайтесь, к взаимной обороне...».

На замечания цензора Боратынский реагирует лишь однажды — переписывая заключительную строку «Недоноска» («О, бессмысленная вечность!»). Из-за отмеченного к исключению эпитета изменению подвергается весь стих, который — в новой редакции — записывается тут же, выше над строкой: «В тягость твой простор, о вечность» — и в конечном итоге входит в печатные «Сумерки». Наличие двух вариантов этого стиха, один из которых, очевидно, вызван цензурными претензиями, задает определенную эдизийную проблему: насколько правомерно восстанавливать (или, наоборот, не восстанавливать) чтение цензурной тетради в окончательном тексте «Сумерек», традиционно принимаемом в качестве дефинитивного текста. Сходные текстологические сложности имеет и ст. 3 стихотворения «Мудрецу» («Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью философ...»)

¹ При этом важно иметь в виду тот факт, что почти все тексты — до публикации в составе «Сумерек» — раньше печатались в периодических изданиях Москвы и Петербурга, исключения были немногочисленны: «Увы! Творец непервых сил...», «Филида с каждою зимою...», «Здрастуй отрок сладкогласной...» — впервые увидевшие свет в последнем сборнике Боратынского.

— в цензурной тетради Флеров отчеркнул словосочетание «словом тревожным», а в печатном тексте «Сумерек» Боратынский полностью переменяет строку: «Нам, изволением Зевиса брошенным в мир коловратный» (Сумерки. С. [40]) вместо «Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным» (Л. 15).

В посмертных изданиях Боратынского (Изд. 1869, Изд. 1884, Изд. 1894, Изд. 1900) воспроизводилось чтение «Сумерек». Исправления по цензурной тетради впервые были введены в основной корпус текстов Изд. 1914—1915, что, вероятно, в некоторой мере было связано с установкой его редактора М. Л. Гофмана давать ранние редакции стихотворений в качестве основных.¹ В последующих собраниях сочинений Боратынского, принимавших за основу печатный текст «Сумерек», исправления по цензурному экземпляру вносились с мотивировкой несомненного цензурного влияния — что коснулось не только «Недоноска» и «Мудрецу», но и стихотворения «Были бури, непогоды...». Из двух исправлений, внесенных Боратынским в цензурную тетрадь, одно — вошедшее в «Сумерки» (в ст. 9: «Груз двойной» вместо сомнительного «Крупный груз») — безоговорочно принималось всеми издателями, а другое — также читающееся в печатном сборнике — напротив, отвергалось в пользу первоначального варианта. Так, собственноручная поправка Боратынского в ст. 5 («бойкой» вместо «вольной») рассматривалась как «цензурное искажение» (ср.: Изд. 1936. Т. II. С. 272; Изд. 1957. С. 369; Изд. 1982. С. 646), что противоречит хотя бы тому, что цензором были отчеркнуты не отдельные слова, а стихотворение в целом.

Оценивая статус исправлений, отраженных в цензурной тетради, необходимо принять во внимание и иные разночтения между рукописью и печатным вариантом сборника. «Сумерки» дают полностью иное чтение ст. 1—4 стихотворения «Новинское. А. С. Пушкину», озаглавленного в цензурной тетради «А. С. П.....ну»; ст. 36, 47, 52 «Недоноска» обретают свой окончательный вид только в печатных «Сумерках»; в стихотворении «На что вы дни! Юдольный мирь явленья...» изменения вносятся в ст. 1, 3, 9. «Ропот» и «Мудрецу» получают заглавия только в печатном сборнике, стихотворение «Что за звуки? мимоходом...» теряет эпиграф — «Vanitas Vanitatum», наличествующий в рукописи; небольшие изменения вносятся также в тексты послания «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» (ст. 44), «Увы! Творец непервых сил...» (ст. 11), «Ропот» (ст. 3), «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» (ст. 18), «Здравствуй отрок сладкогласной...» (ст. 4), «Скульптор» (ст. 14), «Осень» (ст. 30, 125—126, 151), «Благословен святое возвестивший...» (ст. 10). Все эти поправки свидетельствуют о частичной переработке сборника, последовавшей после возвращения рукописи из цензуры, а также указывают на то, что сохранившаяся в РО ИРЛИ рукописная тетрадь,

¹ «В основном тексте настоящего издания мы приняли первоначальное чтение, так как думаем, что только оно может познакомить читателя с полным объемом творчества Боратынского, <...>. В тех случаях, однако, когда исправления вызваны грамотностью поэтического стиля или когда исправность печатного текста может быть заподозрена, мы в основном тексте помещаем не первую печатную редакцию, а исправленную <...>» (Изд. 1914—1915. Т. I. С. XIII—XIV).

вопреки устоявшейся традиции, «цензурным экземпляром» «Сумерек» в точном смысле слова не является (а также непосредственным источником для печатного набора), в пользу чего свидетельствует и отсутствие на тетради цензурного разрешения.

Уточнить статус цензурной тетради и ее место в истории текста «Сумерек» позволяют материалы Московского цензурного комитета, хранящиеся в ЦИАМ (Ф. 31). В частности, подтверждается предположение Е. Н. Купреяновой о повторном цензурировании «Сумерек».¹ Сохранившаяся рукопись оказывается копией сборника, первоначально представлявшего в цензуру в начале января 1842 г.

10 января 1842 г., как следует из отметки в «Книге для записей рукописей и книг», сборник поступил в цензуру из типографии А. Семена, 14 января — отдан цензору (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 14 (2). Л. 126 об. — 127). Этой дате соответствует запись на титульном листе самой рукописи: «№ 14 Января 14 1842 года» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 1). На заседании Цензурного Комитета 16 января она была представлена к рассмотрению и поручена «Г. Цензору Флерову» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 168 (1). Л. 9—9 об.). При этом первоначальное название рукописи, как следует из цензурных бумаг, было «Сонь зимней ночи» — заглавие будет исправлено на «Сумерки» (см.: РО ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 1), очевидно, при позднейшей переработке сборника. Таким образом, рукописная тетрадь, хранящаяся ныне в РО ИРЛИ, оказывается цензурным экземпляром «Сна зимней ночи», первоначального варианта итогового сборника, ставшего «Сумерками» — в определенной мере — вследствие цензурных затруднений. Наличествующие в рукописи исправления — отражение промежуточной работы Боратынского над окончательным составом книги, судить об итоговом виде которой позволяет лишь печатный текст сборника (ввиду отсутствия цензурной копии самих «Сумерек»).

Однако, дальнейшая судьба «Сна зимней ночи» остается туманной и гадательной — в соответствующих графах «Книги для записи рукописей и книг» отсутствуют сведения о дате одобрения/неодобрения рукописи и ее обратной выдаче. Можно только предполагать, сам ли Боратынский забрал рукопись из цензуры, столкнувшись с претензиями Флерова, или же сам Флеров вернул ему тетрадь для внесения изменений, — бумаги Цензурного комитета, доступные в ЦИАМ, оставляют этот вопрос открытым.

В то же время цензурная история самих «Сумерек» подробно и обстоятельно документирована. 6 марта 1842 г. «Рук. <опись> Сумерки, сочинение Евгения Боратынского», числом страниц 43, поступает в Московский Цензурный комитет, отданная самим автором — «губернским секретарем Евгением Боратынским» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 14. Л. 142 об. — 143). В тот же

¹ «Отсутствие на копии цензурного разрешения свидетельствует, что она не была пропущена цензурой и возвращена Боратынскому для требуемых исправлений. Сборник, несомненно, вторично представлялся в цензуру в другой копии, до нас не дошедшей. Можно заключить, что эта копия рассматривалась уже другим цензором, так как ряд непропущенных Флеровым мест вошел в «Сумерки» без изменения» (Изд. 1936. Т. I. С. 355).

день «Сумерки» были представлены к рассмотрению на заседании Комитета и определены уже другому цензору — И. М. Снегиреву (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 168 (1). Л. 38 об.). Сложностей с цензурой на этот раз не возникло, вероятно, не в последнюю очередь из-за личного знакомства Боратынского со Снегиревым, цензурировавшим еще первый сборник 1827 г. Беспокоясь за судьбу «Сумерек», Боратынский заезжает к нему утром, 4 марта — вероятно, советоваться о будущем представлении книги в цензуру; «на счет стихов своих» Боратынский посещает Снегирева и 11 марта (Снегирев 1904. Т. I. С. 315), когда цензурное разрешение «Сумеркам» уже было выдано (10 марта — дата цензурного разрешения на самом сборнике; также см. «время одобрения» в «Книге для записей рукописей и книг» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 14. Л. 142 об. — 143)). Наконец, 12 марта 1842 г. Боратынский забирает рукопись обратно (см.: Там же).

«Билет на выпуск в свет» «Сумерки» получают 8—15 мая 1842 г. (сведения — по журналу Московского Цензурного Комитета: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 168 (2). Л. 70 об. — 71), а 20 мая А. Семен объявляет о поступлении в продажу «отпечатанного на сих днях сочинения Евгения Боратынского “Сумерки”¹» в «Прибавлениях» к «Московским Ведомостям» (1842. 20 мая. № 40. Прибавление. С. 589 — см.: Изд. 1936. Т. I. С. 355; Боратынский 2002. С. 470).

Фактографическая история «Сумерек» возвращает к проблемам эдичионной практики и дает возможность пересмотреть некоторые традиционные текстологические решения. Принимая во внимание факт повторной, очевидно, более снисходительной к автору цензуры, пропустившей без изменения отчеркнутые Флеровым места, утверждать вынужденность отдельных исправлений и замен (на основании цензурной тетради), очевидно, следует с меньшей степенью категоричности. Едва ли обоснованным выглядит решение, принятое в основном корпусе текстов всех изданий Боратынского, начиная с Изд. 1936, для стихотворения «Были бури, непогоды...» (см. выше), — оба исправления, внесенные рукой Боратынского в цензурной тетради и вошедшие в окончательный текст «Сумерек», очевидно, должны быть воспроизведены в основном тексте — в соответствии с чтением печатного сборника. В случае со стихотворением «Мудрецу» («Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью философ...») изменение ст. 3 в полной мере не может быть мотивированным цензурными требованиями — как показывает сопоставление цензурной тетради с печатными «Сумерками», Боратынский в подавляющем большинстве случаев (одиноким исключением можно назвать «Недоноска») не вносил исправлений сообразно с пометами Флерова (вероятно, чтобы избежать этой необходимости, он и не дал ход перво-

¹ В Научной библиотеке Московского государственного университета сохранился обязательный контрольный экземпляр «Сумерек» (шифр: 1 Rg 119; инв. №246751), отсылавшийся в Цензурный комитет, с рукописными пометами: «Сим свидетельствую что сии стихи напечатаны сходно во всем. А. Семен».

начальному варианту сборника). Более того, если бы Боратынский счел нужным настоять на первоначальном чтении, он мог бы сослаться на прецедентную публикацию в «Современнике» 1840 г. (Т. XVIII. № 2. Раздел V: Стихотворения. С. 253 (3-й пагинации)), где ст. 3 читался так же, как в цензурной тетради: «Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным». Вероятно, изменение этого стиха могло быть связано с «техническим несовершенством» его первоначального варианта — Ю. Н. Верховский отмечал в комментарии к несостоявшемуся собранию сочинений Боратынского, готовившемуся в издательстве «Academia» в 1935—36 гг.: «недочет в нем касается метрико-ритмической структуры: цезура после третьей стопы (так. наз. буколическая) не употребляется в классическом дистихе антологической поэзии и в данном случае, конечно, ослабляет энергию стиха» (Верховский. Л. 33 (=С. 109)).

В отношении финальной строки «Недоноска» в цензурной тетради — вынужденность исправления не вызывает сомнения. Собираясь издавать сборник, Боратынский уже во второй раз пытался провести через цензуру финальные строки о «бессмысленной вечности»¹ — при первой публикации «Недоноска», как можно судить по тексту «Московского Наблюдателя» (1835. Ч. 1. Апрель. Кн. 1. С. 526—528²), ему это не удалось — последняя строфа обрывается на ст. 58: «Роковая скоротечность!». Вновь потерпев неудачу из-за строгости и внимательности Флерова, Боратынский, вероятно, окончательно убедился в том, что в таком виде финальная строка безусловно значимого для него текста в любом случае, независимо от конкретного цензора, не увидит света. Тем не менее, не желая нарушать строфическую и стиховую структуру «Недоноска» (который при первой публикации был искажен не только отсутствием двух последних строк, но и пропуском 4 стихов между ст. 41 и ст. 42), Боратынский переменял финальную строку, вводя чтение «В тягость твой простор, о вечность!» в окончательную редакцию «Сумерек». Отметим при этом, что единственная копия поздней редакции этого стихотворения (РО ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 44—46), сохранившаяся в семейном архиве Боратынских, воспроизводит чтение печатных «Сумерек», а не цензурной тетради. Однако, в силу отсутствия свидетельств о том, в какой мере «цензурное» (или в случае с переработкой сборника перед повторным его представлением, вероятнее, — автоцензурное) изменение последнего стиха было приемлемо для сочинителя и, действительно,

¹ Строго говоря, утверждать со всей степенью уверенности, что изначально финальные строки «Недоноска» читались в точности так же, как затем в цензурной тетради, нет документальных оснований — косвенным свидетельством в пользу такой реконструкции является копия С. Л. Путяты (Энгельгардт), отражающая раннюю редакцию стихотворения (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 47 об. — 48 об. (заглавие: «Недоносок»)).

² Пользуясь случаем, скорректируем сведения «Летописи жизни и творчества Е. А. Боратынского» (С. 328) о месте первой публикации «Недоноска» и дате выхода апрельских книжек «Московского Наблюдателя»: цензурский билет «Наблюдателю» (Ч. 1. Апрель. Кн. 1.) где впервые увидел свет «Недоносок», был выдан 20 мая (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 89 (4). Л. 113 об. — 114; дата, указанная в «Летописи....», — дата выдачи цензурского билета второй апрельской книжке журнала).

соответствовало его «воле», вопрос о дефинитивном тексте «Недоноска» остается однозначно не разрешимым, открывая «тягостный простор» для исследовательских и издательских дискуссий.

ЛИТЕРАТУРА

- Боратынский 2002* — Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем/Руководитель проекта А. М. Песков. Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов/Ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков. — М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Боратынский 2003* — Боратынский Е. А. Авторская книга лирики: В 4 кн./Научный редактор А. М. Песков. Кн. 4. Справочный том. М.: Пашков дом, 2003.
- Верховский* — Музей-усадьба Мураново. Научный архив. Б 35/86 КП [гранки комментариев Ю. Н. Верховского к несостоявшемуся изданию сочинений Боратынского].
- Изд. 1869* — Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского/Издание подготовил Л. Е. Боратынский. М., 1869.
- Изд. 1884* — Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского/Издание подготовил Н. Е. Боратынский. Казань, 1884.
- Изд. 1894* — Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского: В 2 томах/Под редакцией И. Н. Божерянова. СПб., 1894 (Приложение к журналу «Север»).
- Изд. 1900* — Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского/Издание подготовил Л. Е. Боратынский. Казань, 1900. Ч. I — II.
- Изд. 1914–1915* — Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского/Издание подготовил М. Л. Гофман/Издание Разряда изящной словесности Имп. Академии Наук. СПб., 1914. Т. I; 1915. Т. II.
- Изд. 1936* — Боратынский. Полное собрание стихотворений/Издание подготовили Е. Н. Купрянова и И. Н. Медведева. [Л.], 1936. Т. I — II (Библиотека поэта. Большая серия).
- Изд. 1957* — Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений/Издание подготовила Е. Н. Купрянова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая серия).
- Изд. 1982* — Е. А. Баратынский. Стихотворения; Поэмы/Издание подготовил Л. Г. Фришман. М., 1982 (Литературные памятники).
- РО ИРЛИ* — Пушкинский дом (Институт русской литературы РАН, Санкт-Петербург): Рукописный отдел. Фонд 33 (Боратынские).
- РГАЛИ. Ф. 394* — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Фонд 394 (Н. В. Путья).
- Снегирев 1904* — Дневник И. М. Снегирева/С предисловием А. А. Титова. В 2 томах. Т. I (1822–1852). М., 1904.
- Сумерки* — Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. М., 1842.
- ЦИАМ. Ф. 31* — Центральный исторический архив Москвы. Фонд 31 (Московский цензурный комитет).